

ственность жены Завадовскаго подлежала сомнѣнію. Между супругами иногда бывали минуты разлада. Изъ двухъ сохранившихся и напечатанныхъ въ той же коллекціи писемъ графини Завадовской къ Семену Романовичу, писанныхъ въ 1800 и 1801 году (XII, 313—315), видно, что жена Завадовскаго была недовольна мужемъ, жаловалась на него, просила, такъ сказать, заступничества Семена Романовича, и пр.

Многія письма Завадовскаго писаны въ печальномъ расположеніи духа. Въ 1786 г. умеръ его братъ, и онъ писалъ Семену Романовичу подробно о своемъ горѣ. Въ другихъ письмахъ — горькія жалобы на потерю дѣтей, умиравшихъ въ младенчествѣ одинъ за другимъ. „Я позналъ, — говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, — какова радость, какова печаль отъ дѣтей: пятерыхъ погребъ; одна дочь шестимѣсячная остается, которая не ободреніе, а болѣе трепетъ сердцу наводитъ. Толико я несчастливый отецъ“ и пр. (стр. 97). Сдѣлавшись графомъ „Римской Имперіи“ именно въ это время, Завадовскій писалъ: „Сынъ мой не дожилъ до сего титула, послѣ года и восьми мѣсяцевъ умеръ отъ зубовъ, ...и такъ, суетность сія меня ничуть не радуетъ“ и пр. (стр. 102).

Этому меланхолическому настроенію Завадовскаго соотвѣтствовала его страсть къ книгамъ. Въ 1794 году онъ писалъ между прочимъ Александру Романовичу Воронцову: „Не удивляюсь, что тысячи книгъ ты прочелъ; чѣмъ больше читаешь, больше хочется читать. Жить въ библіотекѣ тоже, что страдать водяною болѣзнію, въ которой питьемъ нельзя утолить жажды. Пресладкое упражненіе! Я тебѣ завидую, что читаемое остается въ твоей памяти. Меня природа не снабдила таковымъ даромъ: хотя читаю и много на всякъ день, но прочтенное въ головѣ не остается твердо“ (стр. 130). Въ другомъ письмѣ, 1798 года, сказано: „Во всю жизнь я не отставалъ отъ чтенія, а теперь въ ономъ вся моя забава, и единственная по сердцу. Привычку же всегдашнюю имѣлъ читать больше по ночамъ, и до того, что безъ книги не могу уснуть. Теряю много, что твоя библіотека не подъ бокомъ у меня. Въ несчастное время, годъ не выходя изъ комнаты, прочелъ цѣлую библіотеку, даже лексиконы Морерія и Белевъ (Pierre Bayle), которыхъ никто не читаетъ. Вотъ до чего приводитъ насъ тяжкая скука! Гибонъ мнѣ извѣстенъ. Не считай меня несоображающимъ прошедшаго съ настоящимъ. Постигаю ли я твои здравыя мысли? Время то подымаетъ, то опускаетъ завѣсу, и отъ того только получаемъ неединообразный видъ дѣяній человѣческихъ“ (стр. 106). Во время опалы находясь въ ссылкѣ,